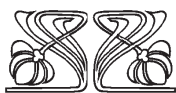
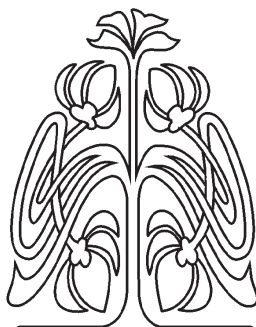
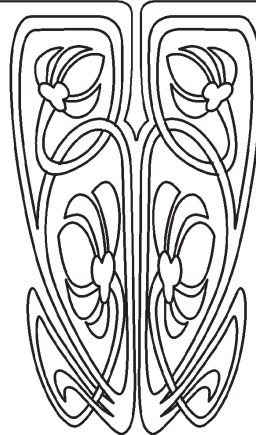

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 168–173

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 168–173

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-168-173>

EDN: OYLSUL

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3+929[Чехов+Тургенев]

«Скучная история» А. П. Чехова: тургеневский контекст

Т. Г. Дубинина

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

Дубинина Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Архива А. М. Горького, dubinina-tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-2546-0164>

Аннотация. В статье на материале повестей «Дневник лишнего человека», «Скучная история», романа «Отцы и дети» рассмотрен вопрос о своеобразии художественного диалога И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Среди произведений Тургенева особенно выделяется повесть «Дневник лишнего человека», ставшая его большим художественным открытием. Писателю удается запечатлеть не только важные черты своего современника («обыкновенный» человек 1840-х гг.), но и создать типологически универсальный характер. И хотя в чеховскую эпоху тургеневская метафора приобретает расширительный смысл и ассоциируется с романским героем, Чехову на протяжении всего творчества был интересен именно тургеневский вариант «лишнего человека». К «Дневнику лишнего человека» у Чехова отсылают аллюзии в подзаголовке повести и в первых ее строках. Однако тургеневский контекст гораздо шире. Чехов, вслед за Тургеневым, исследует историю человеческой души, когда герой находится на пороге смерти. Противопоставляя безвестному Чулкатурину именитого профессора, писатель выводит на первый план дихотомию «мое имя – я». Но имя никак не описывает личность профессора, тогда как у Чулкатуринина есть важное для него открытие – он «лишний». Повести объединены темой экзистенциального одиночества, бренности человеческого бытия, остро переживаемого героями в ситуации «на пороге». Важным также оказывается противопоставление «вечная природа – смертный человек». Заметную роль играет повторяющийся мотив окна, через которое герой смотрит на внешний мир. Обоим персонажам удастся примириться со своей участью и уйти светло. Но если для Чулкатуринина отправной точкой станет его открытие самого себя, то для профессора – отцовская любовь к Кате. Родительская любовь как непреходящая ценность описана в романе «Отцы и дети», который также является претекстом к «Скучной истории».

Ключевые слова: Тургенев, Чехов, «Дневник лишнего человека», «Скучная история», творческий диалог, контекст

Для цитирования: Дубинина Т. Г. «Скучная история» А. П. Чехова: тургеневский контекст // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 168–173. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-168-173>, EDN: OYLSUL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A Boring Story by A. P. Chekhov: Turgenev's context

T. G. Dubinina

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russia

Tatiana G. Dubinina, Dubinina-tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-2546-0164>

Abstract. The article examines the originality of I. S. Turgenev's and A. P. Chekhov's artistic dialogue based on the stories *The Diary of a Superfluous Man*, *A Boring Story*, and the novel *Fathers and Sons*. Among Turgenev's works, the story *The Diary of a Superfluous Man* stands out as a significant artistic discovery. Not only does Turgenev capture the important features of his contemporary ("the ordinary" man of the 1840s), but he also creates a typologically universal character. Although in Chekhov's era Turgenev's metaphor acquired a broader meaning and became associated with the novel's protagonist, Chekhov remained interested in Turgenev's version of the "superfluous man" throughout his entire career. Allusions to *The Diary of a Superfluous Man* by Turgenev can be found in the subtitle and opening lines of Chekhov's story. However, Turgenev's context is much broader. Following Turgenev's lead, Chekhov explores the history of the human soul when the protagonist is on the verge of death. By contrasting the unknown Chulkaturin with the famous professor, the writer highlights the dichotomy of "my name is me." The professor's name does not describe his personality, whereas Chulkaturin has a significant discovery: he is "superfluous." The stories are united by the theme of existential loneliness and transience of human existence, which the characters experience acutely in their "threshold" situations. The contrast between the "eternal nature" and "mortal man" also plays a significant role. The recurring motif of the window, through which the characters observe the outside world, also plays a prominent role. Both characters manage to come to terms with their fate and leave in a positive light. However, while Chulkaturin's journey begins with his discovery of himself, the professor's journey is marked by his fatherly love for Katya. This theme of parental love as a timeless value is further explored in the novel *Fathers and Sons* which serves as a prequel to *A Boring Story*.

Keywords: Turgenev, Chekhov, *The Diary of a Superfluous Man*, *A Boring Story*, creative dialogue, context

For citation: Dubinina T. G. *A Boring Story* by A. P. Chekhov: Turgenev's context. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 168–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-168-173>, EDN: OYLSUL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема творческого диалога И. С. Тургенева и А. П. Чехова оставалась актуальной на протяжении всего XX в. [1–3]. Волнует она и современных ученых [4, 5]. Доказательством актуальности проблемы стал сборник материалов статей по результатам Шестых Скафтымовских чтений, увидевший свет в 2020 г. [6].

Повесть «Скучная история» в контексте изучения творческого диалога художников интересовала исследователей [7], однако находилась скорее на периферии исследовательского внимания. Между тем связь «Скучной истории» с тургеневским наследием очевидна еще и потому, что Чехова живо интересовали открытия Тургенева в сфере «сердеведения» [8, С, т. 12, с. 327], и влияние его художественной антропологии на представления Чехова о природе человека нельзя не учитывать. Важнейшим ключом для понимания одной из самых загадочных повестей Чехова является «Дневник лишнего человека». На это указывают аллюзии к тургеневскому тексту в заглавии («Из записок старого человека») и в самом начале повести («...шея, как у одной тургеневской героини, похожа на ручку контрабаса» [9, С, т. 7, с. 252]). Также к «Дневнику лишнего человека» читателя отсылает определение героя, которое

дает единственно близкий ему персонаж – Катя («Вы лишний» [9, С, т. 7, с. 283]), которое ужасает и возмущает старого профессора. Однако ограничиться только текстуальными переключками было бы большой ошибкой. Важно понимать, что увидел Чехов в тургеневском «лишнем человеке» и какие размышления предшественника были ему интересны.

«Дневник лишнего человека» стал этапным произведением Тургенева. В образе Чулкатурина ему удалось не только запечатлеть важные черты современника (обычный человек 1840-х гг.), но и создать типологически универсальный характер, о чем убедительно написал Ю. В. Манн [10]. Умирая, герой настойчиво ищет определение себе, пытаясь ответить на вопрос «Что я такое?». Найденное слово «лишний» оказывается наиболее точным и очень радует Чулкатурина. Для героя это определение самого себя – великое благо, которое позволяет ему утвердить себя в экзистенциальном смысле и уйти светло. И хотя в конце XIX столетия понятие «лишний человек» традиционно использовали по отношению или к романным героям, или как характеристику «нытиков» [11] и «гамлетиков» [12], Чехову, видимо, был интересен прежде всего тургеневский «истинно лишний человек» [13].

«Скучная история» – один из самых загадочных чеховских текстов, вокруг которого по сей день не умолкают споры [14,15]. Наиболее убедительной представляется концепция И. Н. Сухих [16], назвавшего «Скучную историю» повестью идеологической, экзистенциальной, «о бытии–на–пороге». В исследовании «бытия–на–пороге», человека в его отношении к неизбежности смерти, возможно, видел свою задачу автор, писавший о новизне сюжета [9, П, т. 3, с. 234] и определивший свой текст как «диссертацию» [9, П, т. 3, с. 250]. Такой интерес объясним и биографически – Чехов начинает работу над повестью после смерти брата Николая, первой потери близкого человека, произведшей на писателя тяжелое впечатление: «...во всю жизнь не забыть мне ни грязной дороги, ни серого неба, ни слез на деревьях; говорю – не забыть, потому что утром приехал из Миргорода мужичонко и привез мокрую телеграмму: «Коля скончался». <...> Дома я застал горе. Наша семья еще не знала смерти, и гроб пришлось видеть у себя впервые» [9, П, т. 3, с. 227].

В статье И. Н. Сухих в качестве претекста «Скучной истории» названа «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого. Соглашаясь с выводами ученого, отметим, однако, что между повестями есть существенное различие – в тексте Чехова изменения внутренней жизни героя фиксируются им самим в виде записей. Читатель наблюдает за рефлексией героя непосредственно, тогда как в произведении Толстого об изменениях в душе персонажа мы узнаем от рассказчика. С точки зрения формы повествования «Дневник лишнего человека» чеховской повести оказывается ближе. «Дневник» и «записки» – вариации «эго-документов», написанных для себя и не предполагающих чтения посторонними. Здесь авторы предельно искренни, вопросы, которые они ставят, на самом деле глубоко их волнуют. Повествование и в том, и другом случае представляет собой воспоминания и рефлексию героев. Настоящее и Чулкатурина, и Николая Степановича не богато событиями, сюжетный план в этом смысле составляют сугубо бытовые дела. Самое главное происходит внутри героев и становится достоянием личных записей. Их размышления и рефлексия являются центром повествования. Рождаются они из одного и того же события – оба ясно понимают, что земной путь подходит к концу. Художественное исследование состояния человека «на пороге» и стало предметом творческого диалога Чехова и Тургенева.

Самое главное, что объединяет героев, – ожидание скорой смерти и отсутствие надежды на выздоровление. В этот момент оба персонажа пытаются объяснить себе самих себя, найти свое место в мире. Чехов в какой-то мере отталкивается от Тургенева, и их персонажи оказываются во многом противопоставлены друг другу.

Чулкатурин – никому не известный обыватель, тихо умирающий в своем маленьком имени. Николай Степанович – профессор с общеевропейским именем. На пороге смерти Чулкатурин старается сам себе объяснить, что он такое, и находит определение – «лишний». Осознав свое место в мире, он светло прощается с жизнью, посылая благословение всему живому. Положение Николая Степановича едва ли не более трагично, поскольку у него конфликт с его собственным именем, которое не брэнно, в отличие от него самого: «Теперь мое имя безмятежно гуляет по Харькову; месяца через три оно, изображенное золотыми буквами на могильном памятнике, будет блестеть, как самое солнце, – и это в то время, когда я буду уж покрыт мохом...» [9, С, т. 7, с. 308]. Имя героя вызывает у окружающих уважение и трепет, оно «путешествует» отдельно от него, на его адрес идут телеграммы, его печатают в газетах, но оно не имеет отношения к внутренней, духовной жизни профессора. А никакого другого описания себя он придумать не может. Дихотомия «имя – внутренний мир человека» в ее противоречивости становится одной из важнейших в повести, не зря ее первоначальное название – «Мое имя и я» [9, С, т. 7, с. 671].

Имени Чулкатурина мы не знаем, но у него есть определение, найденное им самим. Ситуация у Чехова зеркальна – мы не знаем фамилии знаменитого профессора, но у него есть имя. Однако на пороге смерти это лишь пустой звук, никак не характеризующий героя. Старый профессор пытается «познать самого себя» [9, С, т. 7, с. 306], но, увы, безуспешно. На последних страницах повести настойчиво повторяется слово «чужой»: «чужой город», «чужая кровать», «чужое серое одеяло» [9, С, т. 7, с. 306]. Семантически слова «чужой» и «лишний» близки, но принципиальная разница состоит в том, что Чулкатурин признает лишним себя, а Николай Степанович называет чужим окружающий его материальный мир. Окончательного определения себя, которое устроило бы героя, профессору найти не удастся. С некоторой долей условности таким определением можно считать слово «равнодушный». Николай Степанович думает,

что он «равнодушен» ко всему, с тоской вспоминает время, когда он «не был равнодушен», получив телеграмму о внезапной замужестве дочери, он пугается своего спокойствия. Герой так характеризует себя: «...равнодушие – это паралич души, преждевременная смерть» [9, С, т. 7, с. 306]. Как врач, Николай Степанович ставит диагноз своему нравственному состоянию, но, в отличие от Чулкатурина, его не радует это открытие. Да и слово «равнодушный» вряд ли точно описывает место профессора в мире.

Оба героя очень остро чувствуют свое одиночество. Чулкатурин пытается говорить о смерти со своей няней, Терентьевной, но та не слышит его. Все, что интересует добродушную старушку, – подарок Чулкатурина другой служанке, обидевший ее, и возможность лишней раз выпить чаю. На пороге смерти Чулкатурин жалуется на «страшную пустоту» вокруг. Это ощущение поддержано Тургеневым в финале повести – после смерти Чулкатурина его дневник читает некто господин Зудотешин, который содержания «сей рукописи не одобрил» [8, С, т. 4, с. 215]. Светлое прощание Чулкатурина с миром профанируется последними строками текста, подчеркивая абсолютное одиночество героя. Состояние пустоты переживает и профессор. Николай Степанович не раз говорит любимой воспитаннице Кате о скорой смерти. Но он не будет услышан. Семья же профессора, погруженная в бытовые проблемы, просто не замечает ни его худобы, ни болезненного вида. Чем ближе к смерти, тем сильнее раздражает Николая Степановича его знаменитое имя и его окружение, занятое исключительно собой и не понимающее переживаний и страхов профессора: жена требует от него серьезного отношения к будущему замужеству Лизы и жалуется на нехватку денег; коллега спешит «поделиться мыслями» и «пикантными» новостями из мира науки; Катя, искренне любящая приемного отца, переживает ту же разъедающую рефлексию и не может стать герою опорой. Мир живых с их повседневными заботами и радостями отдален и от Чулкатурина, и от чеховского профессора, герои уже не чувствуют себя органичной частью жизни. Тема экзистенциального одиночества человека становится важнейшим объединяющим звеном для текстов Тургенева и Чехова.

Особую роль играют отношения героев с природой и внешним миром, которые подчеркнуты повторяющимся мотивом – герой смотрит из окна. Чулкатурин, наблюдающий за приходом весны, видит воробья, каждое пе-

рышко которого «дышит здоровьем и силой», но не испытывает злости: воробей «имеет право кричать и ерошиться» [8, С, т. 4, с. 169] по закону самой жизни, молодости и здоровья. Чеховский герой из окна своей дачи любит детей, играющими на улице и смеющимися над его лысиной. Разность умирающего профессора и детей подчеркнута саркастически: Николай Степанович вспоминает цитату из Ветхого завета «гряди, плешивый!» [9, С, т. 7, с. 294]. Если учесть, что слово «гряди» в данном конкретном контексте может быть прочитано как «уходи», то отношения героя с миром становятся почти враждебными – природа избавляется от всего больного и отжившего, освобождая место молодому и здоровому. Тургеневское противопоставление «здоровый – больной» оказывается важной частью «Скучной истории».

Еще одна дихотомия, объединяющая повести, смертный человек – вечная природа. Если Чулкатурин наблюдает приход весны и горестно восклицает: «О природа! природа! Я так тебя люблю, а из твоих недр я вышел неспособным даже к жизни!» [8, С, т. 4, с. 169], то профессор, не потерявший способности наслаждаться красотой мира, отдает себе отчет, что «все эти сосны и ели, птицы и белые облака на небе <...> когда я умру, не заметят моего отсутствия» [9, С, т. 7, с. 298]. Повторяющийся мотив окна, через которое герой смотрит на равнодушный внешний мир, может быть прочитан трагически – течение жизни не останавливает одна частная смерть, природа и мир в целом равнодушны и к страданиям отдельного индивида, и к бренности всего земного в целом.

Универсальность проблем, поставленных в «Дневнике лишнего человека», становится понятной при анализе женских персонажей. Чулкатурин, вспоминая свою мать, использует точную метафору: она всю жизнь «копошилась и возилась, как муравей – и без всякой пользы» [8, С, т. 4, с. 166]. Лиза Ожогова, в которую влюблен Чулкатурин, пережив любовную драму, также почувствует вдруг «страшную пустоту». Из героинь Чехова подобные моменты переживут Лиза и Катя. У Лизы вдруг случается ночная истерика, объяснить которую она не может. Героиня лишь чувствует, что ей тяжело и старается найти защиту у отца. Катя же, пережив и разочарование в ремесле актрисы, и трагедию любви, и смерть ребенка, настойчиво просит Николая Степановича объяснить ей ее собственную жизнь. Еще на даче она обращается к нему с вопросом, правда ли, что она

«отрицательное явление», а в Харькове, рыдая, настойчиво задает вопрос: «Что мне делать?» [9, С, т. 7, с. 308–309]. Рыдания воспитанницы живо трогают профессора, и, не в силах помочь, он в отчаянии восклицает: «...душа этой бедняжки не знала и не будет знать приюта всю жизнь, всю жизнь!» [9, С, т. 7, с. 309]. Найденная Тургеневым метафора «человек-муравей, копошащийся без пользы» как нельзя лучше описывает ощущения и чеховского героя, размышляющего, что 62 года жизни прожиты зря, и его дочерей – родной и приемной.

На универсальность художественных открытий Тургенева указывает и аллюзия к «Дневнику лишнего человека» в начале «Скучной истории». Сравнивая себя с тургеневской героиней, шея которой похожа на ручку контрабаса, Николай Степанович отсылает читателя к второстепенной героине, саркастично описанной Чулкатуриным. Даму он случайно встретил на балу и назло Лизе пригласил ее на мазурку, доведя несчастную до отчаяния своими ядовитыми замечаниями. Случайность как одна из характернейших черт чеховской поэтики описана еще А. П. Чудаковым [17], однако мысль ученого можно и должно расширить [18]. Случайными оказываются не только характеристики героев, но и отношения между людьми носят характер призрачности, необязательности, иногда и лживости. Отсылка к тургеневской героине лишней раз подтверждает эту мысль.

Кроме того, такое описание внешности героини могло привлечь Чехова-художника. Его писательская манера подразумевает особое внимание к художественным деталям [19], иногда вместо характеристики персонажа читателю предлагается та или иная подробность, оказывающаяся исчерпывающей. Поэтика тургеневской повести в части создания образов Чехову была, видимо, понятна и художественно близка.

Важнейшим текстом, который также припоминается в «Скучной истории», является роман «Отцы и дети». На этот претекст чеховской повести справедливо указала Т. В. Коренькова, описав Николая Степановича как «постаревшего Базарова» [20]. Думается, однако, что этим переключки не ограничиваются. Как известно, Чехов восхищался «старичками Базаровыми», ставя в центр вопрос о детско-родительских отношениях. На них же акцентируется внимание и при авторской характеристике профессора: «...будь он [Николай Степанович] иного склада, Лиза и Катя, пожалуй бы, не погибли» [9, П, т. 3, с. 255].

В романе «Отцы и дети» Тургенев описывает родительскую любовь в высшем проявлении [21]. Именно молитвы старичков в финале романа дают Базарову надежду на «примирение и жизнь бесконечную» [22]. У Чехова ситуация иная – искренне любя обеих дочерей, герой, однако, слишком занят собой, чтобы заметить нюансы внутренней жизни даже самых близких людей. Но на пороге смерти герою все же удается светло попрощаться с жизнью благодаря истинному сокровищу – любви к Кате. В. Н. Чубарова [23] справедливо описала финал повести как надежду на прощение для старого профессора. В заключительных строках повести Чехов показывает, что герой напряженно ждет, что Катя обернется, но, не дождавшись, отпускает приемную дочь без гнева и обиды: «Прощай, мое сокровище!» [9, С, т. 7, с. 310]. Хотя разрыв между героями не будет преодолен, отцовская любовь и нежность дают надежду, что «смерть души» героя, о которой он так много размышляет на последних страницах повести, все же не окончательна.

Заключительные слова «Скучной истории» до некоторой степени перекликаются с последней фразой чулкатуринского дневника: «Я умираю... Живите, живые!» [8, С, т. 4, с. 215]. Однако если тургеневскому герою попрощаться с миром светло помогает открытие своего «я», то профессору, потерпевшему поражение в познании самого себя, надежду на прощение и примирение дарит как будто внезапно открытая им отцовская любовь.

Тургенев – один из важнейших предшественников Чехова, с которым он вел творческий диалог на протяжении всей жизни. Особенно внимательно Чехов относился к открытиям Тургенева в области «сердцеведения». Художественная антропология автора «Отцов и детей» живо интересовала писателя. «Скучная история» – не исключение. Творческий диалог с произведением Тургенева Чехов ведет на многих уровнях поэтики – от аллюзий до философской и экзистенциальной проблематики повести. Чехов вслед за Тургеневым исследует эволюцию духа человека на пороге смерти. Персонажи повестей «Дневник лишнего человека» и «Скучная история», находясь в конце земного пути, пытаются познать самое себя. Если Чулкатурину удастся найти важнейшее в его жизни определение, то Николай Степанович не сможет ответить на главный вопрос «Что я такое?». Чехов, отталкиваясь от тургеневской традиции,

делает своего героя знаменитым профессором, предлагая новую дихотомию «мое имя – я». Громкое имя оказывается пустым звуком, никак не описывая внутреннюю жизнь героя. Тургеневское противопоставление «смертный человек – вечная природа» оказывается важным и в пространстве «Скучной истории», герои, наблюдающие за миром из окна, болезненно осознают трагедию конечности и бренности человеческого бытия. Персонажи оказываются объединены и темой экзистенциального одиночества – в конце земного пути они не находят понимания и сочувствия даже у близких. Светло попрощаться с жизнью чеховскому герою, не нашедшему себе определения, позволяет отцовское чувство к Кате. Таким образом претекстом «Скучной истории» является и роман «Отцы и дети», утверждающий непреходящую ценность родительской любви.

Список литературы

1. Бялый Г. А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л. : Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1990. 638 с.
2. Гришунин А. Л. Чехов и «Записки охотника» // Контекст: литературно-теоретические исследования / отв. ред. А. В. Михайлов. М. : Наука, 1989. С. 247–259. EDN: XFPYBN
3. Паперный З. С. Творчество Тургенева в восприятии Чехова // И. С. Тургенев в современном мире : сб. ст. / отв. ред. С. Е. Шаталов. М. : Наука, 1987. С. 127–135.
4. Кубасов А. В. Художественная рецепция И. С. Тургенева в прозе А. П. Чехова // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 124–131. <https://doi.org/10.26710/fk18-04-18>, EDN: YUNVWN
5. Сахаров В. И. Высота взгляда (Тургенев и Чехов) // Сахаров В. И. Русская проза XVIII–XIX веков. Проблемы истории и поэтики. М. : ИМЛИ РАН, 2002. С. 197–215.
6. А. П. Чехов и И. С. Тургенев : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «Шестые Скафтымовские чтения: к 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева» (Москва, 8–10 ноября 2018 г.) / редкол. : Ю. Н. Борисов [и др.]. М. : ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2020. 423 с. EDN: XMSSTN.
7. Ай Ц. Образ «лишнего человека» в «Скучной истории» А. П. Чехова // V Столыпинские чтения. Публичная политика и социальные науки : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием (Краснодар, 15–16 апреля 2016 г.) / отв. ред. В. М. Юрченко. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2016. С. 540–543. EDN: XYFGAL
8. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т.; Письма : в 18 т. / редкол. : М. П. Алексеев (гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1978–2014.
9. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т.; Письма : в 12 т. / редкол. : Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1974–1983.
10. Манн Ю. В. Тургенев и другие. М. : РГГУ, 2008. 630 с.
11. Трубецкой С. Н. Лишние люди и герои нашего времени // Вопросы литературы. 1990. № 9. С. 131–145.
12. Михайловский Н. К. Гамлетизированные поросята // Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М. : Искусство, 1995. С. 197–209
13. Дружинин А. В. Повести и рассказы И. Тургенева // Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М. : Современник, 1988. С. 261–283.
14. Линков В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова. М. : Изд-во Московского ун-та. 1982. 128 с.
15. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во Московского ун-та. 1979. 327 с.
16. Сухих И. Н. «Скучная история»: непрочитанная повесть Чехова // Новый мир. 2023. № 10 (1182). С. 197–209. EDN: NBBBWX
17. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 292 с.
18. Степанов А. Д. Бледные люди: об одном топосе у Чехова // Культура и текст. 2019. № 3 (38). С. 171–181. EDN: LNBINN
19. Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали. М. : Советский писатель, 1981. 432 с.
20. Коренькова Т. В. «Базаристей меня и человека не было»: эхо образа Базарова в «Скучной истории» А. П. Чехова // Чеховские чтения в Ялте : сб. науч. тр. XL Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 25 / под ред. О. О. Пернацкой. Ялта : Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2021. С. 175–186. EDN: PTOPON
21. Дубинина Т. Г. «Только ею ... держится и движется жизнь»: тема родительской любви в творчестве И. С. Тургенева // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 112–125. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-112-125>, EDN: PBPOFI
22. Беляева И. А. «Отцы и дети» И. С. Тургенева: роман о «Вечном примирении» // Филологический класс. 2017. № 3. С. 7–14. <https://doi.org/10.26710/fk17-03-01>, EDN: ZITTDZ
23. Чубарова В. Н. «Скучная история» А. П. Чехова: опыт интерпретации // Известия Южного Федерального университета. 2009. № 4. С. 24–33. EDN: KYTAOR

Поступила в редакцию 06.11.2025; одобрена после рецензирования 24.12.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 06.11.2025; approved after reviewing 24.12.2025; accepted for publication 10.02.2026